

УДК-323

**ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ В УСЛОВИЯХ
НЕДЕМОКРАТИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАНАМЫ
И НИКАРАГУА***

И.М. Вакина¹

Процесс автономизации и этнические территориальные автономии (ЭТА) традиционно изучаются через призму демократии и демократизации, а классическими примерами являются ЭТА стран Западной Европы. Однако существуют примеры институционализации ЭТА в незападных и недемократических государствах, в связи с чем возникает вопрос – обязательно ли институционализация ЭТА связана с функционированием демократии?

В статье приводится сравнение стратегий основных акторов процесса институционализации автономий в Панаме и Никарагуа, где, согласно индексу Polity, процесс институционализации ЭТА проходил в условиях режима недемократии.

Ключевые слова: автономизация; этнические территориальные автономии; Латинская Америка; сравнительная политология.

За последние 20 лет этнополитические конфликты стали одной из характеристик современного мирового политического процесса. Вспыхивая, полыхая и тлея в разных странах и регионах мира, эти конфликты с разной степенью успешности разрешались или замораживались. Одним из наиболее часто предлагаемых институциональных предложений для урегулирования таких конфликтов является инкорпорация этнических групп в политическую структуру государства посредством институционализации power-sharing (механизмы и институты распределения власти), что позволяет достигнуть и поддерживать баланс в межэтнических отношениях, с одной стороны, и обеспечивать территориальную целостность государства, с другой. Чаще всего применяется механизм power-sharing в его вертикальном измерении, которое заключается в предоставлении территориальной автономии и права на само-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00034).

¹ Вакина Инна Максимовна – магистр политических наук, ассистент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: vakina@yandex.ru.

© Вакина И.М., 2016

управление для этнической группы, получающей таким образом полномочия и каналы соучастия в процессе принятия политических решений. Иными словами, происходит формирование этнической территориальной автономии (ЭТА) - разновидности механизмов совместной власти, где самоуправление этнической группы в рамках определенной территории обеспечено формальными и взаимообязывающими (для группы и центрального правительства) институциональными установлениями [3, 127].

Механизм power-sharing и процесс автономизации традиционно рассматриваются параллельно с процессом демократизации, одной из составляющих которой является децентрализация управления в государстве. В контексте демократизации и, соответственно, децентрализации происходит добровольная передача полномочий этническим группам и формирование ЭТА. Сегодня в мире существует около ста таких автономий¹, территории которых закреплены за этническими группами и которым даны права на самоуправление. Большая часть из них возникли на постколониальном пространстве в различных регионах мира, но при этом наиболее изученными являются, а потому считаются классическими «западные» (расположенные в странах Западной и Южной Европы, Северной Америки). Функционирование «западных» ЭТА исследуется преимущественно в контексте изучения институтов и практик демократического устройства. Но, как это уже отмечалось выше, намного больше ЭТА, которые возникли как способ урегулирования этнополитических конфликтов в: 1) странах незападного мира и 2) с недемократическим устройством. В связи с этим возникает вопрос – является ли процесс автономизации и, в частности, институционализация ЭТА, исключительным элементом процесса демократизации и демократического институционального устройства? Или институционализация ЭТА не обязательно связана с функционированием демократии, а может быть стратегией сохранения властного ресурса в руках правящей группировки в условиях недемократического режима?

К незападным и недемократическим странам с институционализированными ЭТА можно отнести государства латиноамериканского региона, где во многих странах были попытки ввести территориальные автономии, но успеха в этом добились лишь индейцы, проживающие в Панаме и Никарагуа. Указанные страны сегодня – единственные институционализированные случаи автономий в Латинской Америке, представленные пятью образованиями

¹ См. полный список автономий, включенных в базу научно-исследовательского проекта «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств. URL: http://www.polit.psu.ru/autonomies_project.htm.

- комарки¹ Куна-Яла, Эмбера-Вунаан и Нгобе-Бугле в Панаме, и Северо-Атлантический автономный регион и Южно-Атлантический автономный регион в Никарагуа. Индейцы, проживающие в данных ЭТА, обладают правами, землей, правом использования ресурсов, которые на этой земле есть, коренное население представлено в парламентах этих стран. Данные автономии (кроме Куна-Яла) были образованы в 1980-1990-х гг., когда в странах активно проводились переговоры об образовании этнических автономий для коренного населения и принимались законы, признающие эти автономии. Этот временной отрезок является хронологическими рамками исследования.

Кроме того, по данным индекса Polity, институционализация ЭТА в Панаме и Никарагуа в интересующий нас временной промежуток соответствует, по большей части, недемократическому характеру режима.

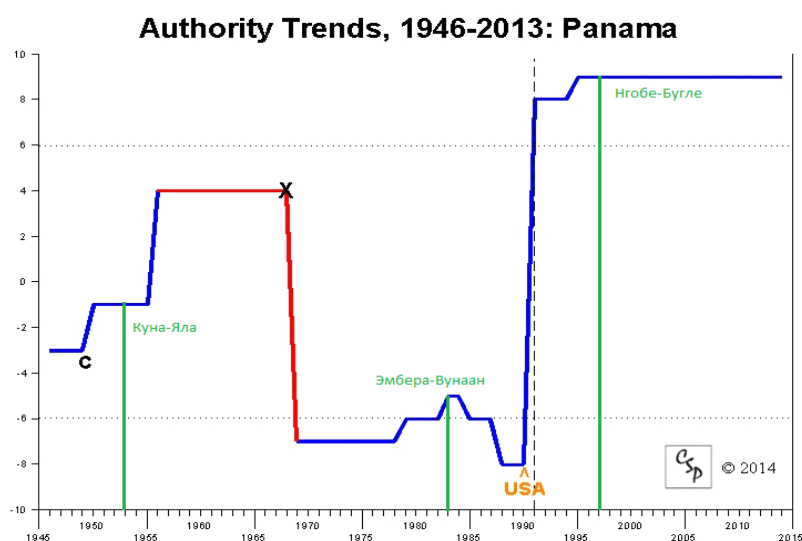

Рис. 1. Панама: индекс Polity

Источник: Authority Trends, 1946-2013 гг. Panama. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/pan2.htm>.

¹ Комарка – это особая правовая и политическая структура Панамы для проживания коренного населения

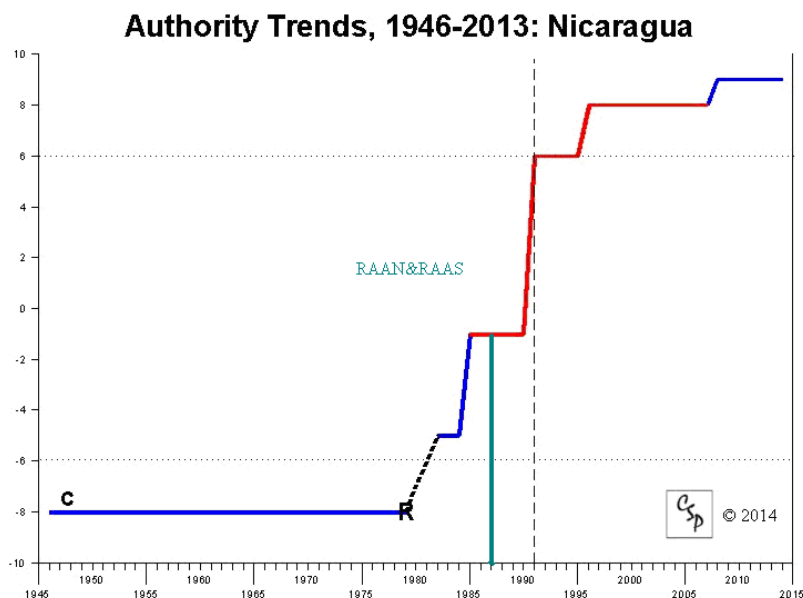

Рис. 2. Никарагуа: индекс Polity

Источник: Authority Trends, 1946-2013 гг. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/nic2.htm>.

Методологической рамкой данного исследования является теория неоинституционализма рационального выбора, где институциональный порядок - продукт рационального выбора взаимодействующих акторов, институты которого включают в себя все ограничения, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям [1, 17–18]. Однако у разных акторов предпочтения по поводу желательных правил игры не одинаковы. Следовательно, как отмечает Панов П.В., выбор институтов зависит от: а) предпочтений акторов, участвующих в «создании» институтов б) соотношения сил между ними [2, 28]. В данной работе мы рассматриваем этнические территориальные автономии как институциональные комплексы, контролирующие взаимоотношения автономии и центральной власти, и взаимоотношения внутри самого автономного региона при помощи законодательно оформленных правил и процедур, а также включают в себя системы институционализованных предпочтений для автономии.

Вопрос о процессе создания ЭТА в Латинской Америке вызывает интерес у исследователей, однако его понимание разное. Д. Яшар рассматривает ЭТА как платформу для дальнейшего существования коренных народов и осуществления ими своевременной стратегии сохранения среды обитания, общинных земель, защиты «матери-земли» и окружающих природных ресурсов [14]. Для Диас-Поланко [7] и Ван Котт [13] главным оказывается понимание автономии как результата переговоров между коренными народами и

государством в условиях вооруженного конфликта и кризиса легитимности государства. Переговоры по решению этих вопросов привели к другому типу проживания коренных народов и, что важно, к «инаугурации» автономных режимов с разными степенями компетенция и полномочий. Мигель Гонсалес и Тристо Госалес [11], Донна Ли Ван Котт [13] в своих работах описывают особенности формирования этнических территориальных автономий, успехи движения коренных народов в регионе и чем они обусловлены, а также рассматривают ЭТА под углом зрения демократизации в странах Латинской Америки, отвечая на вопрос о «качестве» демократии. Таким образом, изучены движения за автономии в Латинской Америке – особенности и характеристики, результаты деятельности коренных жителей в борьбе за автономизацию, однако исследователи не ставят вопрос о возможности институционализации ЭТА в условиях недемократии и о стратегиях и интересах акторов процесса, совершивших выбор в пользу этнической территориальной автономии.

Можно говорить о стратегиях двух основных групп акторов процесса институционализации ЭТА:

- 1) стратегии национальных правительств;
- 2) стратегии этнических групп.

В соответствии с данными параметрами предлагается посредством сравнения стратегий институционализации ЭТА в условиях недемократического режима ответить на вопрос: является ли формирование автономий инструментом удержания власти правящей группы и сохранения ее status-quo?

I. Стратегии национальных правительств Панама

Требования автономии в Панаме возникли намного раньше, чем в Никарагуа и связаны с формированием нового суверенного Панамского государства в 1903 г. и деятельностью племен Куна. Новое правительство стремилось создать единую и крепкую нацию, видя ее в культурных традициях метисов, и начало проводить интеграционную политику в отношении коренных народов, пытаясь насильно ассимилировать их, используя для этого силы религиозных миссий и полиции - мужчины и женщины подвергались издевательствам, женщины подвергались насилию. К 1923 г. женскому населению было запрещено использовать свою обычную ежедневную атрибутику: краски для тела, ношение традиционных украшений и др. Это называлось движением за «вестернизацию женщин». Помимо этого, центральное правительство не терпело сохранения институтов традиционного регулирования жизни индейцев и требовало «уважения» по отношению к национальным органам власти. Данные обстоятельства провоцировали конфликт между коренным населением и центральным правительством, кульминация которого произошла в 1925 г., когда свершилась так называемая «революция Куна»:

племена захватили архипелаг Сан-Блас и объявили о формировании самостоятельной республики. Важно отметить здесь, что разворачиваемая центральным правительством националистическая политика интеграции индейцев заставила пойти коренное население на сотрудничество с США: 24 февраля 1925 г. Куна обратились к послу США с просьбой о защите от жестокости панамского правительства. Через пять дней после начала восстания в Панаму прибыл американский корабль для поддержки Куна, мотивируя это тем, что «важное стратегическое и экономическое значение зоны канала не оставляет для США возможности игнорировать этот конфликт» [10]. Вмешательство США во внутривнутриполитический региональный конфликт заставило центральное правительство и Куна сесть за стол переговоров. Собственно, присутствие США в регионе обусловлено их заинтересованностью в Панамском канале, который в то время являлся американской собственностью.

Таким образом, восстание Куна, при его североамериканской поддержке, поставило перед правительством Панамы вопрос о сохранении целостности территории и спровоцировало начало переговоров между центром и племенами об образовании автономии, что включало в себя право на исконную территорию проживания и на самоуправление в соответствии с традициями и нормами племен. После нескольких раундов переговоров в 1953 г. Национальным собранием Панамы был принят закон №16, закреплявший территории архипелага Сан-Блас за племенами Куна и признавший их право на самоуправление. Данное решение стало революционным явлением для региона, поскольку Панама в тот период представляла собой классический пример латиноамериканской страны, где была установлена военная диктатура; логика внутривнутриполитического процесса соответствовала правилам «политических качелей», а экономическое развитие отличалось нестабильностью.

Новый виток отношений между национальным правительством и индейскими племенами начался с приходом к власти генерала Омара Торрихоса в 1968 г., который установил в стране военную диктатуру. Однако генерал начал переговорный процесс, который был нацелен на достижения консенсуса с индейскими племенами. Такая позиция военного правительства была обусловлена политическим курсом Торрихоса, который был направлен на «объединение» Панамы, создание сильной нации и проведение антиамериканской политики. Для реализации таких задач была необходима консолидация всего населения государства, а сам генерал – уроженец сельской местности – верил в то, что упрочнение национального государства Панамы возможно лишь путем восстановления контроля Панамы над каналом и интеграции приграничных регионов в процесс развития страны, в том числе и привлечение к этому коренных народов. Согласно этой точке зрения, коренные народы являлись важным элементом в создании нового суверенного государства Панамы, и поэтому индейцы должны были быть включены в политиче-

ский процесс, а не насильно ассимилированы. Благодаря такой политике центрального правительства, коренные народы начали поддерживать корпоративную связь с государством в 1970-х гг.

Генерал запустил новый конституционный проект и одновременно начал диалог с племенами индейцев в 1972 г. В новой конституции оговаривалось выделение земельных участков для проживания коренных народов, но при этом не было четко прописано, что какая-то территория закрепляется за каким-то племенем. Статья 123 гарантирует коренным народам получение территории и коллективное имущество, необходимое для экономического благополучия [4]. Кроме того, правительство взяло на себя ответственность за проведение прямых переговоров с каждой из групп коренного населения о проектах правовых документов по созданию соответствующих административно-территориальных единиц. Данный прием был на руку для режима, т.к. вместо формального механизма защиты земель коренных народов, государство имело возможность договариваться с различными этническими группами, чтобы заручиться политической поддержкой и добиться благосклонности в обмен на признание за племенем (группой племен) «заповедной» земли. Таким образом, генерал Торрихос расширял клиентелистские сети – индивидуальный подход для диалога, вовлекая коренные народы в корпоративную структуру государства.

Однако политика диалога при генерале не дала результатов в виде образования новых комарок, процесс возобновился лишь только после его смерти¹. Комарка Эмберра-Вунаан была образована в 1983 г. при участии Революционно-демократической партии - одного из столпов режима военной диктатуры Торрихоса. Последняя комарка - Нгобе-Бугле - была образована в 1997 г. после долгих переговоров с центральным правительством, которые несколько раз заходили в тупик, однако на волне неолиберальных экономических преобразований, начавшихся в 1925 г., после долгого периода политической и экономической нестабильности, спровоцированной по большей части военной интервенцией США в 1989 г., в условиях продолжающейся нестабильности мобилизация племен Нгобе (марши, акции протеста и т.д.) была не выгодна центральному правительству, и 7 марта 1997 г. Национальное собрание Панамы приняло Закон № 10 об образовании комарки Нгобе-Бугле.

I. II. Стратегии коренного населения Панамы

Говоря о стратегиях панамских индейских племен в плане институционализации этнических территориальных автономий, важно понимать чем именно они были спровоцированы. По большей части, они обусловлены гео-

¹ Генерал Торрихос погиб в авиакатастрофе в 1981 г.

графией проживания индейцев в Панаме - автономные территории отделены от «большого общества» естественными преградами – горными массивами и непроходимыми тропическими лесами (см. карта 1).

Карта 1

Географическая карта Республики Панама с обозначением ареалов традиционного проживания индейцев

Будучи географически отделенными от административных центров государств, индейские племена не поддерживали даже сколько-нибудь развитые торговые связи с центром [9]. Таким образом, автохтонное население не было интегрировано в государственные политические и экономические отношения и процессы испанских колоний; жило самостоятельно, решая при этом свои проблемы традиционными для них методами. Это было обусловлено, скорее, географическим расположением мест их проживания, отгороженных от европейцев естественными преградами, которые для испанцев, помимо этого, были непригодны – непроходимые джунгли, где нельзя культивировать что-либо, и горная местность. Таким образом, логично, что политика насильственной интеграции начала XX в. была воспринята коренным населением негативно, и индейцы понимали, что это грозит уничтожением их культуры и идентичности, что повлекло за собой сопротивление, восстание племен Куна и попытки их сецессии, обращение за помощью к североамериканскому соседу и, впоследствии, к требованию автономии от центрального правительства, которое было реализовано для племен Куна, как уже отмечалось, в 1953 г.

Впоследствии, стратегии, направленные на достижение автономии, были спровоцированы деятельностью генерала Торрихоса, политика которого обусловила консолидацию национального движения коренных народов и

способствовала созданию их собственных структур управления для каждой этнической общности и содействовала мобилизации индейских племен к борьбе за автономию, т.к. племена видели возможность организации (объединения) наподобие автономии Куна Сан-Блас.

Таким образом, коренные народы в Панаме в 1970-е гг. стали неотъемлемыми участниками политического процесса, что позволило им оформиться как политический класс, развить самостоятельные структуры управления в 1970-е гг. и постоянно поддерживать свои требования на землю и автономию и, кроме этого, участвовать в диалоге с правительством. Последующие действия правительства в 1980-1990-х гг., уже после смерти генерала Торрихоса, повлекли за собой лишь дальнейший процесс мобилизации коренного населения против использования их исконных земель и строительства на них промышленных объектов, что в итоге привело к признанию их прав на землю и на самоопределение. Так, в 1983 г. была образована комарка Эмбера-Бунаан, в 1996 г. – комарка Мадунганди, в 1997 г. – комарка Нгобе-Бурле, а в 2000 г. – комарка Ваганди¹.

III. Стратегии национального правительства Никарагуа

В Никарагуа же подъем движения коренных народов за свои права и за автономию, в частности, начался в 1980-х гг. и связан с деятельностью Сандинистского правительства, которое свергло диктатуру семьи Сомоса, и его политикой интеграции насильственным методом индейцев в структуру государства, а также с деятельностью партизан Контрас, боровшихся с правительством и базировавшихся на исконных территориях индейцев Никарагуа.

После свержения диктатуры и прихода к власти революционных сил перед сандинистами встала задача формирования новой, единой революционной нации Никарагуа, для чего была разработана программа так называемого «национального возрождения», подразумевавшая, в частности, интеграцию Атлантического побережья, где проживало коренное население Никарагуа, которое не было интегрировано в политические и экономические процессы государства, а почти весь XX в. находилось под протекторатом США, развернувших там добывающую промышленность. Однако стратегии местного населения и центрального правительства не совпадали, что впоследствии привело к конфликту. К примеру, вопрос о языковой политике: когда сандинисты пришли к власти, они начали программу по развитию грамотности в стране, но, естественно, на испанском языке, который является официальным языком Никарагуа. Индейцы же просили провести аналогичную программу, но на языках коренных народов, другими словами, это касалось вопросов популяризации культуры индейцев на Атлантическом побережье и в

¹ Мадунганди и Ваганди подчиняются комарке Куна-Яла (она же комарка Сан-Блас).

принципе в Никарагуа. Параллельно сандинистское правительство проводило новую образовательную программу, которая была ориентирована на марксистскую идеологию, не учитывая при этом особенностей жизни коренного населения. Кроме проведения социальной политики, центральное правительство навязывало на Атлантическом побережье новые организационные формы власти по примеру административного центра, не учитывая при этом традиционную организацию власти индейского населения. Таким образом, политика интеграции Атлантического побережья толковалась индейскими общинами как демонтаж коренных культур и потому нововведения революционного правительства не приветствовались миноритарными группами, заставляя их выдвигать свои требования, касающиеся сохранения собственных традиционных форм как организации власти, так и своего образования и сохранения собственного языка. В 1980 г. индейцы выдвинули требование о закреплении за ними их исконных территорий и требовали своего представительства в INNISA. В этом контексте перед центральным правительством вставал вопрос о территориальном и политическом разделении страны, и, понимая, что Атлантический берег был подвержен огромному влиянию США, такие требования воспринимались как попытка США осуществления принципа «разделяй и властвуй» в Никарагуа. В 1982 г. центральное правительство приняло решение о переносе общин Мискито от р. Коко в пять новых населенных пунктов – 8 000 человек были перемещены вглубь страны, 10 000 – переехали в Гондурас. В новых поселениях, известных под общим названием *Tasba Pri* (или «свободная земля»), для Мискито были предоставлены более плодородные земли и лучшие условия материального обеспечения жизни. На эту деятельность предусматривалась многомиллионная программа развития: строительство нового жилья, школ, улучшение санитарных условий, питьевой воды, медицинских центров, новые виды экономической деятельности, ориентированные на производство товарных культур, лесопильной и деревообрабатывающей промышленности. Но новые территории были восприняты Мискито негативно, и они просили возвращения на свои традиционные территории вдоль р. Коко, что связано в большей степени с тем, что основным видом деятельности племен было рыболовство, которое в новых условиях не могло развиваться. По сути, все эти действия были направлены на модернизацию индейских племен и попытку сделать их более зависимыми от центрального правительства. Мискито переехали на исконные территории, когда параллельно идущая партизанская война с Контрас стала опасной для них на территории *Tasba Pri*.

Еще одним аспектом, повлиявшим на образование ЭТА в регионе, является параллельно идущая партизанская война с отрядами Контрас (в состав которых входили и представители индейских племен), которые боролись с сандинистским правительством и дестабилизировали политическую ситуа-

цию в стране. Контрас были хорошо подготовленными и вооруженными партизанами, которых поддерживали США, следуя антикоммунистической стратегии в латиноамериканском регионе, в то время как «спонсором» сандинистов в этом противостоянии выступал СССР [8].

Такое положение требовало проведения новой политики с мирным урегулированием, а не военными путями решения проблемы, т.к. сандинисты поняли, что они не могут справиться силовыми методами с «хорошо вооруженными и мотивированными повстанцами, получившими существенную поддержку местного населения, беженцев в Гондурасе, Коста-Рике и США» [12]. Центральное правительство не смогло распространить свое влияние в 1983 г. во многих частях Атлантического побережья, т.к. они контролировались партизанами, чья военная сила и общественная поддержка были на пике в апреле 1984 г. В данной ситуации, для сандинистского правительства продолжать военную кампанию было слишком дорогостоящим и неэффективным методом урегулирования внутривнутриполитической ситуации и, следовательно, нерациональным мероприятием. По сути, случай Никарагуа уникален тем, что партизанская война сработала как рычаг, который заставил сандинистов сесть за стол переговоров об автономии на Атлантическом побережье. Сторонам удалось прийти к соглашению, и 22 апреля 1987 г. 220 избранных делегатов вместе с 2 000 представителей из индейских общин на Атлантическом побережье Никарагуа, прибыли в Пуэрто-Кабесас для участия в многонациональной Ассамблее, чтобы окончательно обсудить условия консенсуса. На собрании 95% статей были приняты единогласно, и в 1987 г. закон «Об автономии», по решению сандинистского парламента от 2 сентября 1987 г., установил два многонациональных автономных региона на Атлантическом побережье.

II. Стратегии коренного населения Никарагуа

В случае индейцев Никарагуа география их проживания также играет основополагающую роль для стратегии сохранения их идентичности и стремления получить автономию. В период колониальной зависимости от Конкисты больше всего пострадало западное побережье, где почти полностью были уничтожены индейские племена. В настоящее время в этой части страны проживает 88% населения, основу которого составляют преимущественно метисы. Регион Атлантического побережья занимает примерно половину территории страны и отделен от регионов Тихоокеанского побережья, где находится административный центр государства, горным массивом и труднопроходимыми тропическими лесами центральной части страны (см. карту 2).

Географическая карта Никарагуа с обозначением ареала традиционного проживания индейцев

Данные условия делали процесс коммуникации двух побережий крайне затруднительными: горы и тропические леса объективно препятствовали развитию дорожной и транспортной сетей, проведению телефонных и других линий связи. К примеру, асфальтированная дорога в южной части Атлантического побережья была проложена в 1961 г., в то время как дорога, соединяющая Манагуа (столица расположена на Тихоокеанском побережье страны) и Пуэрто-Кабесас (округ на побережье Карибского моря), открылась лишь в 1981 г., но зачастую дорога закрыта на горном участке трассы. Эти объективные географические условия сыграли роль фактора, который «спас» индейское автохтонное население, проживающее на Атлантическом побережье от испанской Конкисты и ассимиляции.

Помимо географических особенностей расположения индейских территорий, важным для, опять же, сохранения их культурного, социального и политического порядка является длительное присутствие США на Атлантическом побережье, которое в XX в. – зона исключительного экономического влияния США, которые не брали на себя государственные функции. Инфраструктура индейского побережья обеспечивалась США – оборудование для шахт, лесопилок и плантаций было привезено из США, система дорог на по-

бережье строилась североамериканскими силами, другими словами, у административного центра не было стимула развивать в экономическом плане Атлантическое побережье. Благодаря всему этому, в регионе не проводилась какая-либо социальная политика в области здравоохранения, образования, медицины и т.д. В свою очередь, отсутствие какой-либо социальной политики обусловило то, что в социальном отношении индейцы также не модернизировались и, следовательно, продолжали сохранять свою автохтонную культуру, традиции и обычаи, и индейское общество продолжало функционировать в соответствии с ними.

Изоляция Атлантического побережья от административного центра обусловила сохранность индейских традиций, обычаев и социального порядка. В свою очередь, интегративная политика сандинистов угрожала индейской культуре и спровоцировала конфликт между автохтонным населением и Сандинистским правительством. Это связано с тем, что идеологическим каркасом сандинистов был марксизм, и они считали индейцев угнетаемым классом, не осознавая степени их развития, в то время, как в племенах еще сильны родо-племенные и родовые связи, и местные жители не были готовы к подобной интеграции и политике развития, проводимой сандинистским правительством, и, несмотря на революцию, жители Атлантического побережья по-прежнему смотрели в сторону Карибского бассейна и англо-американского прошлого. Все это привело к мобилизации индейского населения, сопротивлению мерам, проводимым правительством, и переходу части индейцев на сторону партизан Контрас и ведению деятельности против нового революционного правительства и, впоследствии, требованию автономии для индейских племен.

Таким образом, основные стратегии акторов процесса инситуционализации этнических территориальных автономий в Панаме и Никарагуа можно представить следующим образом:

Таблица 1

Стратегии национальных правительств Панама и Никарагуа

Панама	Никарагуа
Экономическая независимость страны от США, сохранение территориальной целостности страны	
Установление контроля над Панамским каналом Развитие добывающей промышленности в территориях исконного проживания индейцев; Создание сильной нации в условиях политической мобилизации индейского населения	Национализация предприятий добывающей промышленности на Атлантическом побережье; Создание единой революционной нации Сохранение политического status quo в условиях давления США и партизанской войны с Контрас
Политика диалога с коренным населением	Навязывание интеграции «сверху» без учета особенностей и интересов коренного населения
Интеграция индейских племен в логике power-sharing	

Таблица 2

Стратегии коренного населения в Панаме и Никарагуа

Панама	Никарагуа
Сохранение идентичности, получение земли для проживания и сохранение экологической чистоты на ней	
Стратегия политической мобилизации	Стратегия партизанской войны
Артикуляция своих интересов	
Диалог с национальным правительством	

Мы можем сказать, что процесс автономизации и институционализации этнических территориальных автономий возможен не только в условиях демократии, но и в условиях авторитарного правления в государстве, и может пониматься как наиболее выгодная стратегия в условиях неустойчивости режима для сохранения status-quo правящей группировки. Институционализация ЭТА, таким образом, способствует урегулированию межэтнического конфликта в государстве, поддерживает баланс в отношениях.

Случаи институционализации этнических территориальных автономий в Латинской Америке расширяет представления о классических военных

диктатурах как типичном политическом явлении для региона в XX в. Пример генерала-диктатора Торрихоса в Панаме, который активно взаимодействовал с индейскими племенами и дал им конституционную возможность образования ЭТА, ставит вопрос о роли ЭТА как консоциативного института в функционировании авторитарного режима. В свою очередь, свержение диктатуры семьи Сомоса и приход к власти сандинистского правительства в Никарагуа, которое принято считать частью третьей волны демократизации в странах Латинской Америки, не способствовало само по себе установлению институтов power-sharing, а потребовало дополнительного внешнего давления со стороны США и внесистемных акторов (партизан Контрас).

Библиографический список

1. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С.17–18.
2. *Панов П.В.* Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011. С. 28
3. *Семенов А.В.* Политические эффекты этнических территориальных автономий: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2016. №1. С. 127.
4. Art. 123 Constitucion politica de la republica Panama. URL: <http://www.legalinfo-panama.com/legislacion/Constitucion/Constitucion.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).
5. Authority Trends, 1946-2013. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/nic2.htm>.
6. Authority Trends, 1946-2013 Panama. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/pan2.htm> (дата обращения: 01.06.2016).
7. *Díaz-Polanco, H., Sánchez C.* México Diverso. El Debate Por La Autonomía. México: Siglo XXI . 2002.
8. *Hale C.R.* Resistance and Contradiction: Miskitu Indians and the Nicaraguan State, 1894–1987. Stanford: Stanford University Press, 1994.
9. *Horton L.* Contesting State Multiculturalisms: Indigenous Land Struggles in Eastern Panama // Journal of Latin American Studies. Vol. 38. Issue 04. November 2006. Pp. 829–858.
10. *Howe J.* The Kuna of Panama: Continuing Threats to Land and Autonomy // The Politics of Ethnicity: Indigenous Peoples in Latin America States / in David Maybury-Lewis (ed.). Cambridge, 2002. P. 81–105.
11. *Gonzales M., González T.* Introduction: Indigenous peoples and autonomy in Latin America // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. Vol. 10. № 1. 2015. Pp. 1–9.

12. *Sollis P.* The Atlantic Coast of Nicaragua: Development and Autonomy // *Journal of Latin American Studies*. 1998. 21 October. P. 481–520.
13. *Van Cott D.L.* Building inclusive democracies: Indigenous peoples and ethnic minorities in Latin America // *Democratization*. Vol. 12. № 5. 2005. Pp. 820–837.
14. *Yashar D.* *Contesting Citizenship in Latin America: The Rise of Indigenous Movements and the Post-Liberal Challenge*. N.Y.: Cambridge University Press, 2005.

ETA INSTITUTIONALIZATION ISSUE IN NON-DEMOCRATIC COUNTRIES: COMPARATIVE ANALYSIS OF PANAMA AND NICARAGUA

I.M. Vakina

Master of Political Science, Assistant, Department of Political Science, Perm State University

Traditionally the process of autonomization and ethnic territorial autonomies (ETA) are studied through the prism of democracy and democratization. European autonomies may represent a classic example of ETAs. However, there are cases of ETAs' institutionalization in non-Western and non-democratic countries. That leads to a question – is institutionalization necessarily related to the functioning of democracy?

This article presents a comparative research on strategies choices of the main actors of the autonomy institutionalization process in Panama and Nicaragua, where (according to the Polity index) ETA institutionalization process took place under the non-democratic regime.

Keywords: autonomization; ethnic territorial autonomies; Latin America; comparative politics.

References:

1. Nort D. C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow, 1997. (In Rus.).
2. Panov P. *Institutions, identities, practices: theoretical model of political order*. Moscow, ROSSPEN, 2011. 28 p. (In Rus.).
3. Semenov A.V. Political Effects of Ethnic Territorial Autonomies: review of studies. *Review of Political Science*. 2016. Iss. 1. P. 126-152. (In.Rus).
4. *Constitucion politica de la republica Panama. Art. 123*. Available at: <http://www.legalinfo-panama.com/legislacion/Constitucion/Constitucion.pdf> (In Spanish).

5. *Authority Trends, 1946-2013*. Available at: <http://www.systemicpeace.org/polity/nic2.htm> (In English).
6. *Authority Trends, 1946-2013 Panama*. Available at: <http://www.systemicpeace.org/polity/pan2.htm>. (In English).
7. Díaz-Polanco, H., Sánchez C. *México Diverso. El Debate Por La Autonomía*. México, Siglo XXI, 2002. (In Spanish).
8. Hale C.R. *Resistance and Contradiction: Miskitu Indians and the Nicaraguan State, 1894-1987*. Stanford, Stanford University Press, 1994. (In English).
9. Horton L. Contesting State Multiculturalisms: Indigenous Land Struggles in Eastern Panama. *Journal of Latin American Studies*. November 2006. Vol.38. Iss. 4. P. 829-858. (In English).
10. Howe J. The Kuna of Panama: Continuing Threats to Land and Autonomy. *The Politics of Ethnicity: Indigenous Peoples in Latin America States* / Ed. by David Maybury-Lewis. Cambridge, 2002. P. 81–105. (In English).
11. Gonzales M., González T. Introduction: Indigenous peoples and autonomy in Latin America. *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. 2015. Vol. 10. №1. P. 1-9. (In English).
12. Sollis P. The Atlantic Coast of Nicaragua: Development and Autonomy. *Journal of Latin American Studies*. 1998. 21 October. P.481–520. (In English).
13. Van Cott D.L. Building inclusive democracies: Indigenous peoples and ethnic minorities in Latin America. *Democratization*. 2005. Vol. 12. № 5. P. 820-837. (In English).
14. Yashar D. *Contesting Citizenship in Latin America: The Rise of Indigenous Movements and the Post-Liberal Challenge*. New York, Cambridge University Press, 2005. (In English).